

времени, съ размноженіемъ школъ, съ расширеніемъ самой литературы, съ одной стороны, распространяется все на большую массу общества, съ другой воспринимается все въ болѣе серьезномъ смыслѣ и въ болѣе тонкихъ оттѣнкахъ. Изученіе того, какъ совершенствовалось самое *пониманіе* европейской и классической литературы, составило бы любопытную страницу въ исторіи нашей образованности. Такъ, первый классицизмъ является у насъ на славянско-русскомъ языкѣ XVII-го вѣка въ произведеніяхъ южно-русскихъ и западно-русскихъ ученыхъ и церковныхъ проповѣдниковъ. Это былъ классицизмъ старой католической церковной школы, формы которой были перенесены въ наши духовныя академіи и семинаріи. Это была на первых порахъ чисто школьная рутина, гдѣ знаніе классическихъ литературъ, особливо римской, доставляло запасъ риторическихъ украшеній, которыя чисто внѣшнимъ образомъ приставлялись, напр., къ церковной проповѣди: въ особенности пошла въ ходъ греко-римская міеологія, изъ которой извлекалось множество риторическихъ сравненій, примѣровъ и т. п. Южно-русскій и западно-русскій писатель не задумывался приводить имена греческихъ божествъ въ своихъ православныхъ писаніяхъ (онъ слишкомъ привыкъ къ этому въ латино-польской школѣ и литературѣ), и Москва XVII-го вѣка очень скандализировалась, встрѣчая въ богословскомъ сочиненіи имена Зевеса, Меркурія или самой Афродиты: это казалось непозволительнымъ язычествомъ — видѣли формальное язычество тамъ, гдѣ была только реторика. Такъ какъ французскій псевдо-классицизмъ видѣлъ свое основаніе въ той же античной литературѣ, то и вполнѣ естественъ этотъ классическій литературный орнаментъ продолжаетъ господствовать въ свѣтской литературѣ, гдѣ онъ уже никого не пугаетъ: стихотворческая фантазія не можетъ обойтись безъ пособія музъ, Олимпа и Иппокрены. Странно сказать, что этотъ приѣмъ господствуетъ не только у Тредьяковскаго и у Сумарокова, но даже у ближайшихъ предшественниковъ Пушкина, наконецъ, даже у самого Пушкина, съ которымъ и кончается. Поэты первой четверти нашего столѣтія еще не могутъ обойтись безъ Музы, безъ Кастальскихъ источниковъ, безъ харитъ и грацій, безъ Аполлона, Вакха и Киприды; но былъ, впрочемъ, и большой шагъ впередъ противъ классиковъ XVIII-го вѣка. То внѣшнее подражаніе, какое господствовало прежде, замѣняется все болѣе живымъ и глубокимъ пониманіемъ стараго классицизма: если, съ одной стороны, классическія воспоминанія остаются изящнымъ украшеніемъ для совѣтъ новой поэзіи, то, съ другой — является гораздо большее